

Сказка
о тихой тропинке
и
Музыке,
которую
слышит сердце

Альбина Тарасова

Альбина Тарасова

**Сказка о тихой тропинке и
музыке, которую слышит сердце**

«Автор»

2026

Тарасова А.

Сказка о тихой тропинке и музыке, которую слышит сердце /
А. Тарасова — «Автор», 2026

Девочка Аня любит музыку — но только ту, что звучит в шорохе листьев, в стуке ложки о чашку, в мамином вечернем шёпоте. А вот музыкальные уроки с их строгими правилами и бесконечными упражнениями кажутся ей скучными и неживыми. Однажды в дождливый день на подоконник Ани садится необычная бабочка — с крыльями цвета старого золота и дымчатого неба — и уводит девочку за собой. За садом, через заросший пустырь и узкую речку, Аня находит маленький домик, которого прежде никогда не видела. Там её ждёт высокий седой человек по имени Степан Сергеевич — Сторож Музыки, охраняющий её от забвения.

© Тарасова А., 2026

© Автор, 2026

Альбина Тарасова

Сказка о тихой тропинке и музыке, которую слышит сердце

Аннотация к сказке «О тихой тропинке и музыке, которую слышит сердце»

Девочка Аня любит музыку — но только ту, что звучит в шорохе листьев, в стуке ложки о чашку, в мамином вечернем шёпоте. А вот музыкальные уроки с их строгими правилами и бесконечными упражнениями кажутся ей скучными и неживыми.

Однажды в дождливый день на подоконник Ани садится необычная бабочка — с крыльями цвета старого золота и дымчатого неба — и уводит девочку за собой. За садом, через заросший пустырь и узкую речку, Аня находит маленький домик, которого прежде никогда не видела. Там её ждёт высокий седой человек по имени Степан Сергеевич — Сторож Музыки, охраняющий её от забвения.

Так начинается путешествие, в котором Аня узнаёт, что у каждой вещи есть свой звук, у каждой тропинки — своя мелодия, и даже у тишины — свой ритм. Она гуляет по волшебному саду, где вместо плодов на деревьях висят звенящие шары; слушает песню старого ветра на высоком холме; записывает в толстую тетрадь не ноты, а впечатления — и бумага расцветает под её рукой; спускается к колодцу Эха и слышит в ответ на вопрос «Кто я?» своё собственное отражение.

А в финале — первый настоящий концерт: Аня играет на треугольнике, колокольчиках и маленьком барабане, и её слушают лесные птицы, соседка-пчела, старый кот с медной кисточкой на хвосте, два деревенских мальчика и сам ветер, устроившийся у окна.

Это сказка о том, как важно не просто слушать, а слышать — улавливать мелодию дождя, ритм шагов, песню тишины. Она напомнит и детям, и взрослым, что истинное искусство рождается не из сухих упражнений, а из умения чувствовать красоту жизни и открывать сердце навстречу чуду.

Глава 1. Бабочка на подоконнике

В тот день, когда всё началось, за окном шёл лёгкий тёплый дождь. Он был не такой, как обычные летние ливни, что обрушиваются на землю с грохотом и молниями, а совсем другой — тихий, задумчивый, будто небо о чём-то шептало земле. Капли ползли по стеклу медленно, нехотя, оставляя за собой тонкие серебряные дорожки, которые то и дело сбивались с пути и начинали свой путь сначала.

В комнате пахло мокрой травой и яблоками — мама утром принесла с рынка корзину антоновки, и теперь её сладкий, чуть терпкий аромат смешивался с запахом дождя, проникавшим сквозь приоткрытую форточку. На кухне тихо гудел самовар, хотя никакого самовара у них в доме, конечно, не было — просто так Аня называла старый электрический чайник, который по вечерам пел свою нехитрую песенку.

Аня сидела у окна, поджав ноги под себя, и смотрела, как по стеклу сползают капли. Ей было девять лет, и в этот вечер ей было скучно — не так, как бывает скучно, когда нечего делать, а по-особенному, по-осеннему, когда вроде бы всё есть — и книги, и краски, и любимый плюшевый заяц на кровати, — а всё равно чего-то не хватает. Чего именно, Аня и сама не могла понять.

Она очень любила музыку. Но не ту музыку, что звучит из маминого телефона, когда она моет посуду, и не ту, что по телевизору показывают по праздникам. Аня любила другую музыку — ту, что можно услышать в самых простых вещах. Например, в шорохе листьев под ногами, когда идёшь по аллее и листья шуршат так, будто пересказывают друг другу какие-то свои, только им понятные новости. Или в стуке ложки о чашку, когда мама мешает варенье, и этот стук получается такой ритмичный, такой музыкальный, что хочется под него пританцовывать. Или в шёпоте маминого голоса, когда она вечером укрывает одеялом младшего брата и говорит ему что-то ласковое, чего Аня никогда не слышит до конца, но отчего у неё самой становится тепло внутри.

Аня могла долго слушать, как за стеной тикают часы. Старенькие настенные часы, которые достались маме от бабушки, тикали не просто так — им казалось, будто они рассказывают маленькую, очень важную историю. Сначала громко и уверенно: «Тик-так, тик-так» — это как будто кто-то шагает по дороге. Потом тише, задумчивее: «тик... так... тик... так» — это как будто путник остановился, посмотрел вдаль и задумался. А потом снова бодрее, словно он вспомнил, куда шёл, и опять зашагал.

Только была у Ани одна беда: она не любила заниматься музыкой по правилам. В музыкальной школе, куда мама записала её ещё весной, всё было не так. Там надо было сидеть прямо, класть руки на клавиши определённым образом, повторять упражнения по десять, а то и по двадцать раз. Учительница, Марья Петровна, была добрая, но очень уж аккуратная — всё у неё было по полочкам, по нотам, по правилам.

— Смотри, Аня, вот здесь четвертная нота, значит считаем: раз-и, два-и, — говорила она, постукивая карандашом по тетради. — А здесь пауза, значит молчим. Поняла?

Аня кивала, но внутри у неё всё сопротивлялось. Какая же это музыка, если надо всё время считать и молчать, когда хочется играть? Ей казалось, что музыка должна быть живой, как ветер, — она приходит, когда приходит, и уходит, когда хочет. А не такая, где надо сидеть прямо и выводить ровные звуки, будто ты не играешь, а пишешь диктант.

— Зачем музыка, если в ней столько рамок? — однажды спросила она сама себя, глядя, как дождь рисует на стекле свои узоры. — Зачем эти ноты, эти паузы, эти «раз-и, два-и»? Разве ветер считает, когда ему дуть? Разве река останавливается, потому что «пауза»?

Она чуть-чуть рассердилась — на Марью Петровну, на нотную тетрадь, на себя саму. И в этот самый момент на подоконник села бабочка.

Аня даже вздрогнула от неожиданности. Бабочка была необычная — не белая, как те, что порхают над ромашками, и не пёстрая, как те, что садятся на варенье. Её крылья были цвета

старого золота и дымчатого неба — такого неба, что бывает перед закатом, когда солнце уже почти ушло, но ещё не скрылось, и всё вокруг становится мягким, тёплым, чуть печальным.

Бабочка не взмахнула крыльями, как делают обычные бабочки. Она будто кивнула Ане — медленно, важно, словно хотела сказать: «Ну здравствуй. Я тебя искала. Пойдём со мной».

Аня моргнула — и бабочка уже перелетела на открытую форточку. Там она посидела секунду, будто поджидая, и исчезла в саду, в густой зелени яблони.

Сердце у Ани вдруг забилось часто-часто. Она посмотрела на нотную тетрадь, лежащую на столе, на карандаш, на часы, которые продолжали своё неспешное «тик-так». Потом посмотрела на дверь — в кухне мама что-то напевала, переставляя чашки.

— Если я сейчас не пойду, — прошептала Аня сама себе, — она улетит. И я уже никогда её не найду.

И, не надевая даже куртку, она выскочила на крыльцо, в сад, туда, где между мокрыми листьями мелькнуло золотисто-дымчатое крыло.

Сад за домом был небольшим — три яблони, куст смородины, грядка с укропом и петрушкой, да старая качели, которую папа сделал ещё прошлым летом. Обычно Аня пробегала его за минуту, не замечая. Но в этот день сад казался другим — будто он вытянулся, расправился, стал просторнее и таинственнее.

Кусты смородины стояли, как молчаливые часовые, — их мокрые листья блестели, и с них то и дело срывались тяжёлые капли. Яблоня клонила ветви к земле, будто кланялась кому-то невидимому. А между грядками тянулась узкая тропинка, о которой Аня прежде почти не знала. Она вилась между кустами, уходила в самую гущу зелени и пропадала где-то за старой вишней.

— Откуда она тут взялась? — удивилась Аня. — Я же тут сто раз бегала, никакой тропинки не было.

Бабочка летела впереди — медленно, неторопливо, словно была уверена: Аня непременно успеет за ней. Она то садилась на мокрый лист, то взмывала вверх, то опять опускалась, и каждый раз её крылья вспыхивали золотом, будто кто-то зажигал и гасил маленькую лампочку.

Аня шла за ней, осторожно ступая по мокрым листьям. Тропинка была узкой, едва протоптанной, и местами заросла высокой травой. Но бабочка летела уверенно, и Аня доверилась ей.

За кустами смородины тропинка повернула — и вывела девочку к старому деревянному забору. Забор этот Аня знала давно: он стоял на границе их участка, и за ним начинался заросший пустырь, куда мама запрещала ходить — «там крапива до пояса и репы к штанам прилипают». Но сейчас забор показался Ане не таким уж страшным. В одном месте доски разошлись, и между ними можно было протиснуться.

— Ну, — сказала Аня вслух, — или назад, или туда.

Она протиснулась между досок и оказалась на пустыре.

Здесь было совсем иначе, чем в саду. Трава росла высокая, по колено, а местами и выше. Ромашки стояли белыми шапками, колокольчики покачивались на тонких стебельках, а где-то вдалеке желтели одуванчики, хотя давно уже должны были облететь. Воздух пах сыростью, медом и чем-то ещё — чем-то незнакомым, отчего у Ани защекотало в носу.

Она остановилась. Ей стало немного страшно — как бывает страшно, когда заходишь в тёмную комнату и не знаешь, что там. Но ещё сильнее было интересно.

— Если я поверну назад, — сказала она вслух, и её голос прозвучал непривычно громко в этой тишине, — ничего не узнаю. А бабочка-то уже улетела.

Она сделала шаг вперёд. Потом ещё один. Трава шуршала под ногами, будто перешёптывалась сама с собой: «Идёт... идёт... посмотрим, что из этого выйдет...»

За пустырём оказался небольшой луг — ровный, зелёный, будто кто-то его специально подстриг. Посреди луга стоял одинокий куст шиповника, весь усыпанный красными ягодами. А за лугом — крошечная речка, узкая, как лента. Вода в ней текла так тихо, что её можно было принять за зеркало — только иногда по поверхности пробегала лёгкая рябь, будто рыба шевельнулась на глубине.

На другом берегу стоял домик.

Аня никогда его раньше не видела. А ведь она сто раз бегала вдоль речки, знала каждый куст, каждый камень. А этого домика — не было. Или он был, но она его не замечала.

Домик был маленький, одноэтажный, тёмный от времени, с покосившейся крышей и резными ставнями, какие Аня видела только на старых картинках в бабушкином альбоме. Над трубой не было дыма — ни дымка, ни струйки. Но из трубы доносился запах — запах тёплого хлеба и сухих трав, такой, будто кто-то только что достал из печи каравай и положил на стол остывать.

Аня подошла к речке. Вода была прозрачная, и на дне виднелись мелкие камешки — серые, белые, с рыжими прожилками. Через речку перекинут был мостик — всего две доски, положенные на камни. Доски были мокрые, и Аня осторожно ступила на них, расставив руки для равновесия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.